

1.4. ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ ПРАКТИКИ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ У МОРДВЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗУБОВО-ПОЛЯНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

Сушкова Юлия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международного и европейского права, декан юридического факультета

Место работы: ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

yulenkam@mail.ru

Рогачев М. А., аспирант

Место учебы: ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва, РФ)

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению обычно-правовых практик разрешения споров у мордвы. В основном примере приведены из материалов, собранных в Zubovo-Polyansky district of the Republic of Mordovia. Обычное право, как результат многовекового опыта народа (этноса), воплощало в себе его понимание множества правовых воззрений. В этом контексте синонимом обычного права можно считать понятие «народное (этническое) право».

Ключевые слова: обычное право, этноюстиция, мордовский народ, народное право, юридическая антропология, правовые обычаи, наказание.

CUSTOMARY DISPUTE RESOLUTION PRACTICES OF THE MORDVINS (ON THE MATERIALS OF THE ZUBOVO-POLYANSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA)

Sushkova Yuliya N., doctor of historical sciences, professor, head of the department of international and european law, dean of the law faculty

Place of employment: the Ograev Mordovia State University

yulenkam@mail.ru

Rogachev M. A., post-graduate student

Study place: the Financial University by the Government of the Russian Federation

Abstract: In the article there are analyzed customary dispute resolution practices of the Mordvins. Mainly the topic is discussed on the base of example given by the materials collected in Zubovo-Polyansky district of the Republic of Mordovia. Customary law, as the result of centuries of experience of the people (ethnos), embodied his understanding of many legal views. In this context, synonymous with customary law can be considered the concept of "national (ethnic) law".

Keywords: customary law, ethnojustice, Mordvins, ethnic law, legal anthropology, legal practices, punishment.

Нормы обычного права в жизнедеятельности мордвы рассматривались в качестве самобытных незабываемых заповедей, берущих свое начало с древности. Принципы чести, достоинства, справедливости, доброго и уважительного уважения к людям, неподкупности, гласности, гуманизма являлись нравственной основой общежития народа. Обычное право как результат многовекового опыта народа (этноса), воплощало в себе его понимание множества правовых воззрений. В этом контексте синонимом обычного права можно считать понятие «народное (этническое) право». Обычно-правовые нормы представляют собой механизм, отличающийся длительностью действия, многократностью применения, но, прежде всего, слаженностью его составных частей – правовых обычаев¹. Практики применения обычного права весьма конкретны, опираются на жизненный опыт членов сообщества.

Длительное время проблемы обычного права мордвы оставались вне поля исследований. Впервые к вопросам обычного права обратился русский этнограф В. Н. Майнов, собравший большой материал, а затем обобщивший его в работе «Очерк юридического быта мордвы» (СПб., 1885), публикации которой предше-

ствовала подготовка и издание рекомендаций по сбору норм обычного права, в которые вошло 435 вопросов, отражавших различные отрасли народного права. В своей работе он рассмотрел такие вопросы как «Родственный союз по понятиям мордвы», «Брак», «Семья как союз родителей и детей», «Семья в широком значении слова», «Опека и попечительство», «Разделы и наследство», «Вещное право» и др.² По свидетельству П. Соколовского В.Н. Майнов, не ставя цели составить свод юридических обычаев мордвы, сосредоточил свое внимание, главным образом, на выяснении различных особенностей в воззрениях народа на правовые отношения, сложившиеся в течение его исторической жизни, независимо от влияния соседей³. В 2000-х гг. ситуация с изучением обычного права мордовского народа существенно изменилась в результате фундаментальных исследований Ю.Н. Сушковой. В ее монографиях «Брак и семья в обычном праве мордвы» (Саранск, 2005), «Этноправосудие у мордвы»

² Майнов, В.Н. Очерк юридического быта мордвы / В. Н. Майнов. НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. – Саранск, 2007. – 296 с.

³ Соколовский, П. Предисловие // Очерк юридического быта мордвы. НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. – Саранск, 2007. – С.36.

¹ Сушкова Ю.Н. Этноправосудие у мордвы. Саранск, 2009. С. 74.

(Саранск, 2009), «Как мордва суд вершила» (Саранск, 2010) и др. на базе широкого круга источников, главным образом, архивных данных и собственных полевых материалов был не только впервые введен в научный оборот и проанализирован огромный пласт знаний в этой области, но и открыто целое научное направление – юридическая антропология финно-угорских народов⁴. На базе Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева под ее руководством открыты и действуют Межрегиональный финно-угорский центр и лаборатория финно-угорского этноправоведения.

Важнейшим институтом обычного права является этноправосудие, под которым Ю.Н. Сушковой было предложено понимать «рассмотрение и разрешение народом (этносом) на основе обычного права повседневных дел, спорных ситуаций, иных значимых вопросов, возникающих в процессе его жизнедеятельности»⁵. Народное (этническое) правосудие реализовывалось в деятельности различных институтов (сельского схода, суда старейшин, соседей и др.). Как правило, разбирательство осуществлялось открыто и гласно, а наказание – прилюдно.

Способы наказания преступников были самые разнообразные. Среди рассказов старожилы бытовали такие свидетельства и подробности, в которых сообщалось о том, «... как при мокшанских каганах (князьях), во времена, когда у мокши «городки» были, вроде «Парычень ошке», за большую вину судьи выносили решение заложить виновного в каменный столб («кивнь столбас»), чтоб больше «нужды» видел, мучился, а не скоро помер». Так стоя и мучился, – «ни сесть, ни лечь в столбе невозможно. Оставляли отверстия для глаз, рта, давали кружку воды в день и всё. Долго терпели, мучились виновные. Строго наказывали: не сразу повесят или убьют, а в камни с глиной заделают и мучают его до смерти – не шелохнуться там. Давно это было, при мокшанских кирди, каганах»⁶.

В ходе своеобразного народного суда подозреваемые могли подвергаться испытаниям, которые были равносильны смерти. Одним из таких старинных испытаний было «угощение» преступника кашей. Происходило это так: «случилось воровство, подозрение падает на человека – вот этот, мол, вор. Поймают, приведут и испытывают. Делали это так: наварят горячей кашицы (шонгарям) и заставят хлебнуть. Если обожжешься – вор, а нет – так и не вор, – другого станут подозревать». Об этом всегда вспоминали в селе, когда кашу кто-нибудь варит перед домом: «Сегодня зачем кашу варили, чтобы вора поймать?»⁷.

Случалось, что бывалые, искусные нарушители уходили от наказания. Старожилы сообщали, как однажды старый салазгарский вор перед смертью сознался в том, как обманывал судей: «Сварили для него кашу, всё как надо для испытаний. А старый вор говорит, а сам поднимает ложку и кашу немного осту-

жает: каша спадает с ложки, тянется, а он опустит ложку и опять подхватит (подбрасывает – прим. авт.) то, что спало. А потом остывшую кашу проглотит и не обожжется сильно. Сам все говорит о боге. «Мол, если я правильный – бог со мной и поможет». А сам снова ложку поднимает повыше, опустит пониже, и всё говорит: «Тогда бог со мной – поможет». В это время каша с ложки стекает и остужается, а он опять это подхватит в ложку, а сам говорит: «Я честный человек! А кто неправильный, – того «шяйтан» (черт) подавит перед вашими глазами»⁸. Продолжая свою уловку «... сам опять подымает ложку, будто тренируется. Потом ещё два-три слова скажет, а сам ложкой с кашицей водит то выше, то ниже. А другой, невинный, но обвиняемый, приговоренный к испытанию, веря в бога и в правду, и в свою невинность, и в «господи спаси и благослови!», черпнет полную ложку, хлебнет и, конечно, враз обожжется. Его тут и убьют»⁹.

В XIX в. наряду с В. Н. Майновым к бытованию народных юридических норм обращался этнограф К. Митропольский. Он побывал в северо-восточной части Тамбовской губернии (Спасский уезд), заселенной преимущественно мордвой-мокшей, и по результатам поездки сделал интересные бытовые зарисовки: «В прежние времена мордва ежегодно в конце осени собирались где-либо при большом озере для судопроизводства. Эти места во многих селах и до настоящего времени носят название «Сбора». Потом начиналось судопроизводство над личностями, подозреваемыми в каких-либо преступлениях, скопившихся в продолжение года. После допроса подозреваемого, но не признающего за собою возводимой на него вины, судьи, чтобы узнать истину, чинили «суд божий»: приказывали за шею бечеву обвиняемого и с быстротою перетаскивать его чрез озеро от одного берега до другого непременно три раза: оставшегося в живых признавали невинным, а захлебнувшегося виновным... Тех же преступников, которые пойманы были на месте преступления, наказывали сообразно их вины с суровою строгостью народа»¹⁰.

Приводимый выше материал К. Митропольского подкрепляется многочисленными устными сообщениями. Сохранилась информация от старожилы, знавших много историй о том, что до православия и до прихода русских и создания административно-управленческих структур – мордва-мокша сами совершали правосудие и судили в поселке Явас (ныне Zubovo-Polyanskiy район). В этом селе находился бугор площадью около 3 га, в 2,5-3 км. от озера, где располагалась деревушка Явас (ныне рабочий поселок Явас), неподалеку от впадения р. Явас в р. Вад – Парца. Это место называли «Пуромма суд», а теперь говорят – «Сбор-бугор». В старину там проводили «мокшень-суц», мокшане вершили свой суд над провинившимися¹¹. «Пуромкс (сбор) – высокий бугор, на котором устраивался суд, никогда не заливают

⁴ Мокшина Ю.Н. Брак и семья в обычном праве мордвы. Саранск, 2005; Этноправосудие у мордвы. Саранск, 2009; Как мордва суд вершила. Саранск, 2010; Юридическая антропология. Учебно-методический комплекс. Саранск, 2005, 2007.

⁵ Сушкова Ю.Н. Этноправосудие у мордвы. Саранск, 2009. С. 84.

⁶ Сборник преданий, мифов, сказаний мокши Zubovo-Polyanskiy р-на МАССР. III-я «книга» (нижнее течение реки Вад и Парца) / Б. Е.Смирнов // Рукопись. С. 143.

⁷ Сборник преданий, мифов, сказаний мокши Zubovo-Polyanskiy р-на МАССР. III-я «книга» (нижнее течение реки Вад и Парца) / Б. Е.Смирнов // Рукопись. С. 98.

⁸ Сборник преданий, мифов, сказаний мокши Zubovo-Polyanskiy р-на МАССР. III-я «книга» (нижнее течение реки Вад и Парца) / Б. Е.Смирнов // Рукопись. С. 98.

⁹ Сборник преданий, мифов, сказаний мокши Zubovo-Polyanskiy р-на МАССР. III-я «книга» (нижнее течение реки Вад и Парца) / Б. Е.Смирнов // Рукопись. С. 99.

¹⁰ Митропольский, К. Мордва: Религиозные верования, их нравы и обычаи / К. Митропольский // Мирское слово. – 1877. – № 13. – 26 марта.

¹¹ Сборник преданий, мифов, сказаний мокши Zubovo-Polyanskiy р-на МАССР. III-я «книга» (нижнее течение реки Вад и Парца) / Б. Е.Смирнов // Рукопись. С. 45.

полой водой, а вдоль его «Адава эрхже» – судоходное озеро, – это бывшая заводь от Яваса, длиной 80-100м., глубокое, а шириной метров 25-30¹².

Жители этого региона имели свои бытовые представления о законности и правопорядке. По свидетельству старожил, на этом месте располагался и проводил свои советы народный суд. Здесь рассматривались не мелкие бытовые правонарушения, а серьезные проступки, по которым нельзя было принимать решения в частном порядке на местах, в деревушках. Предположительно это было место народного правосудия, где ведущую роль играли избранные старейшины, мудрые люди, обладавшие доверием, авторитетом и полномочиями для того, чтобы выносить решения. По устным рассказам вырисовывается такая картина: сюда собирались не только местные, зубово-полянские мокшане, но и жители ещё 3-4-х уездов и волостей. Это, предположительно, темниковские, атюрьевские и закадомские мокшане, потому что села этих районов расположены близко друг к другу. Информаторы утверждали, что сюда собирались мокшане со всей округи, в радиусе не менее 50 км вокруг¹³.

Общим для всех близлежащих сел местом правосудия была указанная выше возвышенность «Пуромма суд» или «Сбор-бугор». Почему выбор пал на это место, объяснить никто не мог. В округе много было красивых мест, озер, хороших, бугров и старинных мест языческих молений, а возили провинившихся преступников на суд от всех сторон только туда. Туда же сходились старейшины, судившие своим судом. В предстании народа судили сурово, но справедливо. Здесь судили за серьезные проступки перед общиной, тех, которые совершали преступления, воровали, убили человека, изменили, не являлись на военную службу или были дезертирами. По всей вероятности, в этом месте судили сразу по несколько человек, потому что из-за одного-то человека судьи вряд ли не станут собираться. До дня суда преступников держали в селах, допрашивали, «томили» до суда. Старожилы сообщали, что «не только держали в подвалах, но и мучили «качам потмоса». Истопят баню или старый дом и в дым сажают на полати. Там и выясняют, почему он это сделал. Требуют: «Винись!» Не винится, так мучается при пытке, и некоторые даже помирали¹⁴.

По нашим предположениям, первоначально на «Сбор-бугре» было место какого-то языческого святилища, старинного языческого мольбища, возможно «молян», «кереметь», куда собирались молиться, проводили сельские и волостные моления, совершали жертвоприношения, а также проводили праздники, которые имелись практически в каждом селе. В данном случае это могло быть место какого-то древнего поселения, городища или кладбища предков, где хоронили особо почитаемых, знатных мордовских князей, мурз. Эти места были сакральными в сознании людей, пользовались особым почтением. Недаром в селе «Польдяс» были уверены, что там когда-то давно жили люди¹⁵.

Суд на Явасе происходил по всем канонам правосудия того времени. На поляне собирался народ, усаживались судьи, приводили провинившихся и начинался

допрос: «Старейшины спрашивали: «Как будем судить такого-то, за такие-то дела?». Суд назначал, сколько раз протащить его верёвкой через все озеро. И присуждали: «...протащить его через «Адава-эрхже» два-три или даже пять раз. Виновного привяжут веревкой посередине тела, чтобы голова не всплывала, и тащат. Как отмечали старожилы, в наказании тоже были свои тонкости: «... если преступника тащить быстро, выдержать может, особенно те, кто плавает хорошо. Но особо провинившихся, на кого судьи были злые, за причинённый вред, могли тащить «плохо», т. е. медленно, чтоб утонул. Тот, кто оставался жив после испытания (пытки водой) объявлялся невиновным и прощался – иди куда хочешь; а кто потонет – тому так и надо!». По другим сведениям, «... на «Сбор-бугре» присуждали только переплывать «Адав-эрхже» («Пурсонма-эрхже») до пяти раз туда и обратно. Это было сделать весьма трудно и многие тонули. А раз утонул, считалось, что виновен. В этом и заключалась справедливость суда. Не своей смертью, в результате суда умер, значит, виновен. Авторитет старейшин «Пуромма суд» был велик, как решат, так и сделают. Решения принимались справедливые и суровые. Иной раз присуждали к казни, убивали»¹⁶.

Способы наказания преступников были самые разнообразные. Среди рассказов старожил бытовали такие, где сообщалось о том, «... как при мокшанских каганах (князьях), во времена, когда у мокши «городки» были, вроде «Парьцень ошке», за большую вину судьи выносили решение заложить виновного в каменный столб («кивнь столбас») (вероятно, замуровывали в стену – примеч. авт.), чтоб больше «нужды» видел, мучился, а не скоро помер»¹⁷. Так стоя и мучился, – «ни сесть, ни лечь в столбе невозможно. Оставляли отверстия для глаз, рта, давали кружку воды в день и всё. Долго терпели, мучились виновные. Строго наказывали: не сразу повесят или убьют, а в камни с глиной заделают и мучают его до смерти – не шелохнуться там. Давно это было, при мокшанских кирди, каназорах». В ходе суда подозреваемые могли подвергаться испытаниям, которые были равносильны смерти. Одним из таких старинных испытаний было «угощение» преступника кашей. Происходило это так: «случилось воровство, подозрение падает на человека – вот этот, мол, вор. Поймают, приведут и испытывают. Делали это так: наварят горячей кашицы (шонгарям) и заставят хлебнуть. Если обожжешься – вор, а нет – так и не вор, – другого станут подозревать». Об этом всегда вспоминали в селе, когда кашу кто-нибудь варит перед домом: «Сегодня что, кашу варили, чтобы вора поймать?»¹⁸.

Случалось, что бывалые, искушенные нарушители закона уходили от наказания. Старожилы рассказывали, как однажды старый салазгарьский вор перед смертью сознался в том, как обманывал судей: «Сварили для него кашу, всё как надо для испытаний. А старый вор говорит, а сам поднимает ложку (деревянную – прим. авт.) и кашу немного остужает: каша спадает с ложки, тянется, а он опустит ложку и опять подхватит (подбрасывает и снова подхватывает – прим. авт.). А потом остывшую кашу проглотит и не обожжется сильно. Сам все говорит о боге. «Мол, если я правильный – бог со мной и поможет». А сам снова ложку поднимает повыше, опустит пониже, и всё гово-

¹² Сборник преданий, мифов, сказаний мокши Зубово-Полянского р-на МАССР. III-я «книга» (нижнее течение реки Вад и Парца) / Б. Е. Смирнов // Рукопись. С. 45-46.

¹³ Там же. С. 46.

¹⁴ Там же. С. 47.

¹⁵ Там же. С. 47.

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ Там же. С. 143.

¹⁸ Там же. С. 98.

рит: «Тогда бог со мной – поможет». А в это время каша с ложки стекает и остужается, а он опять это подхватит в ложку, а сам говорит: «Я честный человек! А кто неправильный, – того «шьятан» (черт) подавит перед вашими глазами». И продолжая свою уловку «... сам опять подымает ложку, будто тренируется. Потом ещё два-три слова скажет, а сам ложкой с кашницей водит то выше, то ниже. А другой, невинный, но обвиняемый, приговоренный к испытанию, веря в бога и в правду, и в свою невинность, и в «господи спаси и благослови!», черпнет полную ложку, хлебнет и, конечно, сразу обожжётся. Его тут и убьют»¹⁹.

Старинная этноюстиция мордвы была сурова: воров не прощали – раз вора обнаружили, то убьют насмерть. «Не воруй!», – таков мордовский закон – «мокшень кежень пандома». В суровые годы гражданской войны, 1918 – 1920 гг., когда в Спасском уезде царил бандитизм, грабежи и убийства мирных людей, народное право допускало максимально суровые наказания для провинившихся. Народный суд был особо беспощаден к зарвавшимся преступникам. И это было объяснимо особенным состоянием общества, в котором копился правовой нигилизм, была разрушена государственная вертикаль власти, были парализована работа милиции, судов, только лишь начинала налаживаться деятельность прокурорских работников, совершались особо циничные преступления, творился бандитский беспредел. За годы гражданской войны, связанных с ним голода, разрухи, произошла деградация общественных норм, нравственных принципов. Убийцы, грабители, воры, насильники всех мастей заполонили Россию. Вал преступности катился по стране. Лицом к лицу с этим валом оказался простой народ, который был вынужден преступному террору поставить заслон.

Известны случаи, когда преступников, конокрадов, бандитов и дезертиров, убийц и насильников народным судом приговаривали к смерти и тут же казнили. Это было только в том случае, если их ловили на месте преступления, за руки, с поличным. Так, осенью 1918 г., в с. Пичевке Спасского уезда (ныне Zubovo-Polyanskiy rayon RM) за разорение и сожжение пасеки народным судом вора приговорили к сожжению. Осенью этого же года были сожжены дезертиры, совершившие дерзкое убийство на глазах у людей в с. Кажлодке²⁰. Известны истории сожжения воров в селах Четове и Салазгорь²¹.

Народный суд был вызван к жизни самой обстановкой в стране. Он возник как извечный инстинкт самосохранения, как последний и крайний способ самозащиты людей. В противном случае обществу грозила нравственная деградация, простому народу грозила неминуемая гибель от рук бандитов, голодная смерть от массовых воровских «экспроприаций». В 1921 г. с. Промзине казнили двух конокрадов и их наводчика. На них накатили бревна и стали катать всем народом. В с. Вадовские Селищи в 1923 г. за 1,5 пуда хлеба, украденного у бедствующей, полуголодной семьи, убили вора, раздавив ему голову. А в Подлясове вора топили в реке, а под конец разбили об лед²².

На протяжении всей истории существования у народа существовал неписанный свод строгих законов,

применялись жесткие меры, которые сдерживали проявление преступных наклонностей, обуздывали дерзко и цинично переступавших закон и посягавших на жизнь людей, препятствовали разрушению нравственных принципов, норм этнического общежития.

Список литературы:

1. Майнов В.Н. Очерк юридического быта мордвы / В. Н. Майнов. НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. – Саранск, 2007. – 296 с.
2. Митропольский К. Мордва: Религиозные верования, их нравы и обычаи / К. Митропольский // Мирское слово. – 1877. – № 13. – 26 марта.
3. Сборник преданий, мифов, сказаний мокши Zubovo-Polyanskiy r-na MACEP. III-я «книга» (нижнее течение реки Вад и Парца) / Б. Е. Смирнов // Рукопись. – 150 л.
4. Соколовский, П. Предисловие // Очерк юридического быта мордвы. НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. – Саранск, 2007. – С. 36-37.
5. Сушков, Ю. Н. Этноправосудие у мордвы в XIX – начале XX в. / Ю. Н. Сушкова. – Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2009. – 576 с.

¹⁹ Там же. С. 98.

²⁰ Там же. С. 15.

²¹ Там же. С. 100-101.

²² Там же. С. 67.